

Феномен адыгской культуры: этнологический и культурологический аспекты

Аннотация. В статье раскрывается сущность морально-этического кодекса «адыгагъэ» (адыгство), его социальные функции. Автором представлен глубокий анализ философских, социологических, этнографических исследований по проблеме изучения, сохранения и развития адыгства.

Ключевые слова: этнофеномен «адыгагъэ» (адыгство), социальные функции адыгства, адыгство как универсальная система воспитания, «ядро» национальной культуры.

Раздел: (01) педагогика; история педагогики и образования; теория и методика обучения и воспитания (по предметным областям).

Адыги, являясь одним из автохтонных народов Северного Кавказа, сформировали богатую и устойчивую культуру. Уникальность адыгской культуры нашла свое выражение в таких феноменах, как «адыгэ хабзэ» и «адыгагъэ». Вне изучения этих феноменов понять культуру адыгского народа невозможно, поскольку они и явились тем центральным звеном, тем своеобразным ядром, вокруг которого собственно эта культура и сложилась [1].

Адыгагъэ (адыгство) выступает у адыгов в качестве морально-этического кодекса, прямо предписывающего строго определенные образцы поступков и складывающиеся из них модели поведения.

Лексического аналога адыгскому слову адыгагъэ в русском языке нет. Буквальное значение (перевод, этимология – «адыгство» – дает лишь приближенное, размытое, в значительной степени образное представление. Данный феномен является существенным фактором стиля и образа жизни адыгов: регулятором индивидуального и группового поведения, базисом этнической идентификации, фактором коммуникации и социализации [2].

Адыгские лингвисты определяют адыгство как совокупность принципов и норм адыгской этики: человечность, благовоспитанность, скромность, гостеприимство, благородство и т.д. Адыгство – совокупность положительных качеств адыгейских народных обычаев: человечность, чуткость, гостеприимство, скромность [3].

Сами адыги склонны толковать данное понятие в достаточно большом спектре. В широком смысле под адыгагъэ понимают человечность (гуманизм), в узком – традиционные нормы поведения, включая этикет (адыгэ хабзэ). Однако при любом понимании адыгагъэ обыденное сознание подчеркивает его нормативно – предписывающий, а, следовательно, и регулирующий характер. Адыгство – духовно-исторический феномен культуры, ключевое понятие, на котором строится сложная концепция национального сознания и самосознания адыгов [4].

Наиболее видными деятелями культуры Северного Кавказа, стоявшими у истоков горского просветительства, были С. Хан-Гирей, Ш.Б. Ногмов, У.Х. Берсей, С. Казы-Гирей, С. Адиль-Гирей (20-60- гг. XIX века). Деятельность адыгских писателей-просветителей многогранна: художественное творчество, создание алфавитов, учебников родного языка, запись и публикация устно-поэтических народных произведений. Для писателей характерна тесная связь с родным фольклором. В своих произведениях они

обращаются к прошлому народа, его обычаям и традициям. Первые описания адыгской культуры, особенностей адыгского этикета принадлежат адыгским просветителям.

Понятие «адыгагъэ» вошло в научный обиход сравнительно недавно. В 1970-х годах появились публикации, в которых можно найти более четкое и осмысленное толкование природы и функций адыгства [5; 163].

Б. Х. Бгажноков в книге «Адыгский этикет» пишет, что адыгагъэ – это «категория, служащая концентрированным выражением моральных правил поведения», «долг рыцарской чести, основанный на принципах адыгского этикета, на идеализированных свойствах национального характера» [5, 62], «высшая ценность для основной массы населения, – идеал, в направлении которого следует совершенствовать себя» [5, 63]. Автор отмечает также, что «многочисленные беседы с представителями различных этнографических групп адыгов убедили в многоплановости семантики данного слова» [5, 62]. Ценный материал для определения адыгства содержат работы по истории, археологии, этнографии, искусству со второй половины XIX века.

Научный интерес представляют также этнографические исследования М. А. Меретукова, который обращается к адыгству через трудовые традиции и семейно-бытовую жизнь адыгов [6].

Однако, как отмечают специалисты [2; 4; 5], социально-философская и социологическая интерпретация данного понятия остается неудовлетворительной. Сполна не раскрыто его содержание, не изучены особенности его возникновения и функционирования. В материалах периодической печати 90-х годов в основном наблюдается не столько дефиниционный, сколько социологический и функциональный подход к этому феномену.

Проанализировав литературу, посвященную изучению адыгства, А.Ю. Шадже [4] делает вывод о том, что на сегодняшний день нет единой точки зрения на его содержание. Функция адыгства ограничена и сведена лишь к духовному возрождению адыгской нации. Исследования по адыгству автор делит на три группы. Одни - отождествляют адыгство с «адыгским этикетом», либо с «адыгэ нэмыс» («честь адыга»), либо под адыгством понимают первое и второе вместе с «адыгэ хабзэ» [7, 7]. Другие его содержание раскрывают через «адыгский этикет» [5]. Третьи – определяют адыгство через «человечность». «В философском понимании адыгство, – пишет Р. А. Ханаху, – воля общественного мнения, возведенная в законы, правила, нормы поведения человека. В более узком смысле квинтэссенция социального поведения человека, своеобразная философия поведения, синоним человечности (цыфыгъэ)» [2].

Р. А. Ханаху и О. М. Цветков [2, 22] провели социально-философский анализ феномена адыгагъэ. Они определяют его как «совокупность взглядов, основой которых является специфическая система морально-нравственных, этических и некоторых других норм, соотнесенных с общечеловеческими ценностями и ориентированных на них. Не случайно феномен адыгагъэ адыги связывают с понятием цыфыгъэ (человечность). Часто адыгагъэ и цыфыгъэ мыслятся в массовом сознании почти как синонимы».

Исследователи выделяют важнейшие социальные функции адыгства:

- интегративную – обеспечивает объединение людей в общность на базе единого, типичного для представителей этноса понимания морально-нравственных и этических норм;
- коммуникативную – способствует целенаправленному взаимодействию различных групп и индивидов между собой и социальными инструментами;
- идеологическую – характеризует влияние адыгагъэ на систему взглядов и идей;
- аксиологическую – характеризует адыгагъэ как инструмент и критерий «отношения к ценности» любого социального факта;

– воспитательную – призвана придавать активности людей очерченную в соответствии с адыгагъэ форму, содержание и направленность;

– когнитивную – отражает потребность в познании и постоянном уточнении интересов, их содержания и формы реализации.

Кроме того, по мнению ученых [2], феномен адыгагъэ может рассматриваться как проблема идентичности в ее индивидуальном и этически групповом измерении. Известно, например, что адыги, утратившие родной язык, идентифицируют себя, тем не менее, с адыгским этносом, поскольку адыгагъэ переведен во внутренний план, интериоризован. Динамика реально разворачивающегося непрерывного поиска и утверждения идентичности посредством адыгагъэ связана с реальным, практическим образом жизни, понимаемым как совокупность наиболее существенных форм жизнедеятельности. Феномен адыгагъэ может быть рассмотрен, таким образом, как содержательный критерий при определении национального (адыгского) образа жизни.

Во всех этических системах выкристаллизовываются ведущие моральные принципы, подчиняющие себе многообразие частных принципов и норм. Они носят характер базовых, постоянно действующих ценностей, не связанных условиями и обстоятельствами времени, пространства, конкретных жизненных ситуаций, групповых или сословных отношений. Б. Х. Бгажноков [5], проанализировав материал полевых этнографических исследований (с 1975 по 1995 гг.), пришел к заключению, что в системе адыгской этики пять таких постоянств: цыфыгъэ – человечность, нэмыс – почтительность, акъыл – разум, лыгъэ – мужество, напэ – честь. По адыгским понятиям, принципы традиционной этики нельзя предать забвению без ощутимых негативных последствий для социума. Отказ от исполнения моральных правил ведет к аномии, а аномия, в свою очередь, к разрушению устоев личности и общества.

По мнению Б. Х. Бгажнова, функционирование адыгства предполагает постоянное взаимодействие и слаженную «работу» всех пяти заповедей. Но основное содержание, весь пафос адыгской этики сконцентрированы в принципе человечности. Другие заповеди, сохраняя относительную самостоятельность, имеют смысл только как средства наиболее полной, точной и успешной реализации гуманистических установок человеколюбия: почтительность обеспечивает атмосферу благожелательности и взаимного уважения в контактах, мужество организует и мобилизует усилия, необходимые для достижения нравственных целей, за разумом закреплена роль интеллектуальной цензуры поведения, за честью – чувственно-эмоциональной. Человечность – господствующий принцип адыгства, подчиняющий себе действие всех других моральных принципов, механизмов, норм.

«Адыгагъэ» и «уэркъыгъэ»: краткий сравнительный анализ. В период феодализма в социальной структуре адыгского общества доминирующее положение занимал класс профессиональных воинов-рыцарей – уэркъ. Уорки несли службу у князей и дворян. Отношения уорков между собой и другими сословиями определялись и регулировались обычным феодальным правом. Но дополнительно к этому сложились и действовали такие институты, как уэркъыгъэ – рыцарская этика (или рыцарский моральный кодекс) и уэркъ хабзэ – рыцарско-дворянский этикет.

По словам Н.В. Касландзия [8], выделение из общенародного этикета в качестве отдельной части уэркъ хабзэ у адыгов свидетельствует о том, что высшие сословия пытались выработать свои особые правила поведения. Однако, в основном, этикет устоял перед натиском тенденции к дифференциации. Такие важнейшие предписания уэркъ хабзэ как верность патрону, стоическое перенесение страданий, храбрость, вежливость, презрение к смерти, мало чем отличались от требований адыгэ хабзэ, т. е. от

тех требований, которые предъявлялись к поведению каждого адыга. В то же время, по утверждению ученого, вышеперечисленные предписания реализовывались представителями аристократии с большей степенью изысканности и элегантности.

Итак, первое выделяемое отличие – повышенные требования, предъявляемые к рыцарю. В системе уэркыгъэ круг обязанностей, связанных с каждым из названных принципов, был гораздо шире, разнообразнее и жестче, чем в общеадыгской этике. К такому же выводу пришел К. Х. Унежев [9, 45]: «Уэркъ хабзэ более детализировал адыгэ хабзэ. Все важнейшие его требования соблюдались более скрупулезно, более «заметно», со своими специфическими способами и методами».

Следующая особенность состоит в том, что в рыцарской этике несколько иначе, чем в общеадыгской, были расставлены акценты внутри каждой заповеди. В структуре человечности необычайное развитие получают щедрость и гостеприимство, в структуре мужества – воинская доблесть. Категория чести – напэ преобразуется в понятие рыцарской чести – уэркъ напэ, понимаемой весьма специфично.

Не обошел стороной процесс преобразования и сферу этикета. На базе традиционной почтительности сформировался особый вариант адыгского этикета, именуемый «уэркъ хабзэ». Он отличается особой изысканностью и включал в себя элементы рыцарского поклонения даме.

Еще одна особенность уэркыгъэ – ее корпоративность. Это была этика внутреннего пользования, не распространявшаяся, по идее, на социальные низы. Она выполняла тем самым функцию марки, служила средством демонстрации превосходства над крестьянами и утверждения столь важной для феодального общества оппозиции «благородный – неблагородный», «рыцарь – крестьянин». При этом уэркыгъэ не противопоставлялся адыгагъэ.

Князья и дворяне не были уорками в собственном, сословном смысле этого слова и оставались вне (точнее – над) оппозиции «рыцарь – крестьянин». Тем не менее, именно князья считались элитой адыгского рыцарства и самыми ревностными хранителями и носителями рыцарской этики, ничуть не уступая в этом отношении уоркам. Не был чужд высоким принципам и идеалам рыцарской этики и простой народ Черкессии. Он перенимал и осваивал традиции рыцарской культуры, приспосабливая их к условиям повседневного мирного быта. Поэтому уорками называли часто и крестьян, отличавшихся щедростью, великодушием, храбростью, верностью данным обязательствам, хорошими манерами. Это свидетельствует о цивилизующей роли рыцарства, о мощном и в целом благотворном воздействии его на все слои адыгского общества. По своему строю, по характеру предъявляемых требований и образцов поведения адыгагъэ является во многом или в основном рыцарской этикой. То же касается и традиционного адыгского этикета. Он несет в себе лучшие черты уоркъ хабзэ.

Человек в жизни руководствуется определенной системой взглядов, правил, которые соответствуют его мировоззрению и обусловлены обществом. У любого народа веками вырабатывается свое отношение к жизни, не исключение и адыги, культура которых глубокими корнями уходит в развитие человеческой цивилизации на Земле. Тысячелетиями вырабатывался, шлифовался временем, людьми, историей их образ жизни. Адыги смогли максимально приблизиться к совершенству, достигнув гармонии взаимоотношений. Они создали такую модель общества, которая каждому человеку дает право и возможность быть уважаемой личностью, занимающей среди людей строго определенное место, справедливо обусловленное возрастом, личными качествами (но никак богатством). В свою очередь общество, состоящее из таких лично-

стей, ставится на соответствующую высоту, и нет ничего страшнее, чем быть осужденным им. Созданные на этой основе, адыгские этика и этикет предусматривают наличие всех условий для материального и культурного комфорта каждого человека, где бы он ни находился.

Адыгагъэ строго придерживались все, что создавало условия для нормальной жизни. Воспитание подрастающего поколения отвечало его требованиям. И этот бесценный дар сегодня доверен нам. К сожалению, многие понятия адыгагъэ и адыгъэ хабзэ утрачены. Нам необходимо восстановить их, сохранить и передать последующим потомкам. Жизнь не стоит на месте. Новое время, конечно, диктует новые условия. Много во взаимоотношениях нужно обновлять и обогащать, не теряя нашего наследия.

С конца 1980-х годов начинают происходить изменения в сознании и самосознании адыгов, которые были разбужены преобразованиями, происходящими в стране. Открылись глаза и на национальную феноменологию. Ныне делается попытка возродить духовность, восстановить моральные нормы в качестве живых ориентиров сознания и каждодневного поведения.

Сегодня перед нами встают вопросы: нужно ли адыгство в том виде, в котором оно сложилось? Соответствует ли такое адыгство современным условиям? Что оно может дать адыгам, человечеству? На эти вопросы пытаются ответить ученые, социологи, педагоги, общественные деятели – те, кому не безразлично будущее адыгского народа. На наш взгляд, наиболее исчерпывающим является ответ А.Ю. Шадже [4, 87-88]: «Во-первых, адыгство представляет собой весьма гибкий феномен, его возрождение в первоначальной форме невозможно, содержание его изменилось. В современном адыгстве достаточно отчетливо сформировалась версия гармоничного, высоко нравственного, близкого к идеальному образу адыга.

Во-вторых, функция адыгства изменилась. Адыгство выступает как регулятор поведения личности и реального бытия в мире и как духовный фактор регионального сближения адыгов Северного Кавказа и всего мира. В нем заложена также высокая нравственность в отношении к другим народам.

В-третьих, исследуемый национальный феномен может способствовать решению глобальных проблем с учетом исторически сложившихся отношений у адыгов к природе и людям. Потенции адыгства и ценности, имеющие непосредственное отношение к экологически сбалансированному способу ведения хозяйства, далеко не реализованы. И это очень важно на данном этапе потому, что без этноэкологии нельзя решить глобальные проблемы».

В России каждая республика, каждый регион отличаются неповторимыми особенностями системы воспитания, психологии, быта, культуры, языка, истории, что должно оказывать влияние на направленность образования. Но в российской педагогике, несмотря на то, что к идее народности (К.Д. Ушинский), осознанию этнического своеобразия в структуре образования каждого народа педагоги обращаются постоянно, феномен этнокультурных запросов в образовании – один из наименее разработанных.

В.К. Шаповалов, говоря об этнокультурной направленности образования, считает, что это такая характеристика образования, которая показывает, в какой мере его цели, задачи, содержание, технологии воспитания и обучения ориентированы на развитие и социализацию личности как субъекта этноса. «Цель состоит в том, чтобы способствовать становлению личности растущего человека как носителя и творческого продолжателя родной этнокультурной традиции, как гражданина многонационального государства, способного самоопределяться в мировой цивилизации» [10, 63]. У Ж.Ж. Наурызбая «Этнокультурное образование – это система обучения и воспитания,

направленная на сохранение этнокультурной идентичности личности путем приобщения к родному языку и культуре с одновременным освоением ценностей мировой культуры» [11, 19]. Система этнокультурного образования превращает общечеловеческие ценности в конкретные, узнаваемые в этнокультурном наследии. Нет другого пути познания культуры, кроме как изучать ее, также как учить язык.

Отсутствие национальной «программы», канонизированной модели поведения приводит к угасанию национального самосознания и превращает народ в аморфную общность людей, теряющую со временем основные идентифицирующие характеристики и качества, и становящуюся легкой добычей ассимиляции. Черкесы – один из самых древних народов мира. На всем протяжении его истории единственной перманентной нормой поведения было адыгство. Необходимости в его записи и письменном культивировании не было, поскольку кроме сил традиции, адыгский народ являлся естественным носителем качеств и норм поведения, предписываемых адыгагъэ. Опыт столетий развития черкесского народа явственно показал, что адыгство является универсальной системой воспитания и жизнедеятельности. Этнофеномен «адыгагъэ» дает основание для выстраивания модели личности, которая сориентирована на адыгскую национальную культуру.

Ссылки на источники

1. Ляушева С.А. Традиции и новации в культуре адыгов: векторы взаимодействия/С.А. Ляушева//Наука -2002: Матер. научн. конф. молодых ученых и аспирантов АГУ 22-25 апреля. – Майкоп, 2002. –С. 350-356.
2. Ханаху Р.А. Феномен адыгагъэ (к постановке исследовательской проблемы)/ Р.А. Ханаху, О.М. Цветков//Философия и социология в Республике Адыгея. – Майкоп, 1994. -№ 1. – С. 21-28.
3. Хатанов А.А. Толковый словарь адыгейского языка/А.А. Хатанов, З.И. Керашева. – Майкоп, 1960. – 236 с.
4. Шадже А.Ю. Национальные ценности и человек (социально-философский аспект)/А.Ю. Шадже. – Майкоп: Изд-во Адыг. гос ун-та, 1996. - 168 с.
5. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет/Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Эльбрус, 1978. -159 с.
6. Меретуков М.А. Из общественного быта адыгов/М.А. Меретуков//Культура и быт адыгов. – Майкоп, 1991. – С. 103-127.
7. Мамхегова Р.А. Очерки об адыгском этикете/Р.А. Мамхегова. – Нальчик: Эльбрус, 1993. - 71 с.
8. Касландзия Н.В. Адыгагъэ и апсуара: адыго-абхазские культурно-этические параллели/Н.В. Касландзия//Философия и социология в Республике Адыгея. – Майкоп, 1995. -№2. – С. 57-67.
9. Унежев К.Х. Феномен адыгэ хабзэ (адыгского этикета)/К.Х. Унежев//Черкесский мир. - 1998. -№ 2. – С. 45-55.
10. Шаповалов В.К. Этнокультурная направленность российского образования/В.К.Шаповалов. – М., 1997. - 175 с.
11. Наурызбай Ж.Ж. Научно-педагогические основы этнокультурного образования школьников: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра пед. наук: (13.00.01.)/Наурызбай Ж.Ж. –Алматы, 1997. - 45 с.

Zara Bguasheva,

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor at the chair of pedagogics and pedagogical techniques, Adyghe State University, Maykop

zara.bgyacheva.72@mail.ru

Phenomenon of the Adyghe culture: ethnological and culturological aspects

Abstract. The author discloses the essence of the moral and ethical code «Adygagje» (adygstvo) and its social functions. The author presents the profound analysis of philosophical, sociological and ethnographic researches on studying, preservation and development of adygstvo.

Key words: ethnic phenomenon «Adygagje» (adygstvo), social functions of adygstvo, adygstvo as universal educational system, «core» of national culture.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П.М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»